

БЕГСТВО ОТ ЖИЗНИ КАК СРЕДСТВО ВЫЖИТЬ

Моск. новости - 2003 - 10 марта - с. 26.

ВЫСТАВКА

Как хорошо, оставив за спиной лужковскую Москву, с ее «тойотами», стройками, витринами, разговорами о квартирах и евроремонтах, бесконечными звонками мобильных телефонов, дорожными пробками, итальянскими ресторанами и рассказами о преимуществах испанского отдыха над турецким, отправиться на север, доехать до Вологды, затем на автобусе или на попутке добраться до Кириллова, там переночевать и утром оказаться в Ферапонтове, где Божья тишь и Божья благодать, где воздух мягок и свеж, озера недвижно спокойны, леса спят в утреннем тумане, скрипят ведра у колодца, и все вопросы и стрессы, поиски и метания отходят вдаль, истаивая, как ночные призраки. Возникает ощущение, что вырвался из какого-то угарного чада, и нет больше проблем русского всевластия и западной демократии, чеченской войны и международного терроризма, безграмотности народа и бездарности гламура. Душа и разум мгновенно очищаются, как после усиленного витаминного курса.

Богоматерь на сводах держит в руке вытянутую свечу, сама подобная свече, и молится, и горит, и светит за всех мучеников и мучителей, невинных и виноватых, проклятых и проклиняющих, и жених в богатом свадебном наряде ожидает священного брака, и нежно благословляет страждущих святой Роман Сладкопевец, распространяя благоуханное всепрощение, исцеляющее раны и облегчающее муки. Кошмары покидают душу, давящий, безжалостный страх отпускает свои когти, и вместе с мягким целительным воздухом в воспаленную от ненависти и ужаса глотку проникает обезболивающее умиротворение, как живая вода, вливающая силы в измученное тело. Не все человеческое еще исчезло из мира, и может, где-то, среди всего этого красного ужаса, есть надежда, мерцающая, как свеча в руках Богоматери на фреске Дионисия.

Боже, неужели Москва Ивана Третьего, огромная деревянная слобода, растекавшаяся вокруг

нескольких каменных зданий, утопающая в навозе, неряшливая, нечесаная, с пучеглазыми тупыми боярами, с насвеколенными мясистыми боярынями, с идеями Третьего Рима, божественности московской власти, слюнявыми рассуждениями о продолжении константинопольского величия, сараями, свиньями, хлюпающим говном, растекающимся вокруг сараев, неужели эта бесстыжая самоуверенная дыра осталась позади, в нереальной дали, за несколько суток пути, пропала, исчезла, растворилась, как будто ее и не было. И нет ненависти к Новгороду и Пскову, Суздалью и Ростову, Твери и Владимиру, нет напыщенной глупости, удушающего чванства, рабоплебствующих священнослужителей, воюющих калек и кликуш, наглых нищих, всего бессмысленного нагромождения золотых куполов и прогнивших соломенных крыш, похожего на пухнувшую злокачественную опухоль, воображающую, что она и есть Святая Русь. Сгинуло все, пропало, и душа, омытая чистотой уединения, видит бездонную глубь отраженного в зеркале озер неба, а рука выводит нежные и строгие лики, жениха в пышных брачных одеждах, готовящегося принять невесту небесную, приподнявшуюся на ложе дочь Иаира, исцеленную кровоточивую, сонмы избранных и ангелов, святых воинов, — этими чистыми изображениями даруя утешение грешной страдальце, земле русской, бесноватой юрдовкой, вечно обреченной на ненависть к себе и к детям своим. Чудо сохранило утешительный бальзам фресок и икон, пронесло его сквозь кровавую историю, не уничтожило ни в войны, ни в революции, оставив почти нетронутым, как молитву перед Богоматерью-Заступницей.

Во всех книгах о Дионисии приходится читать, что он жил в эпоху крутого подъема Московского царства, его политических и военных успехов, крупных свершений в культуре и искусстве. Как должен был ненавидеть ростовчанин Дионисий, настаивающий на своем княжеском происхождении, крутой подъем Московского

царства, сопровождавшийся наведением татар на неугодные города, кровавым коварством, разбойничьим беспределом, ограблением и унижением соперников и алчным желанием приукраситься, затмить всех, высосать все соки из соседей, запретить им строиться, жить по-человечески, быть гордыми и независимыми. Мало Москве было псковичей, тверичей и ростовчан, согнанных на ее строительство, мало святых мощей и драгоценной утвари, свезенной из других городов, мало в приказном порядке собранных иконописцев, так еще завезли итальянцев, заставляя их делать совсем им непонятную архитектуру, не похожую ни на Рим, ни на Византию, но представляющую новый стиль, стиль Московского централизованного царства. С леденящим ужасом прозревал Дионисий в возведении кремлевских соборов азиатскую нелепицу Василия Блаженного, варварство кирпичных башен, гигантоманию Тона, гнойники рубиновых звезд, сталинские высотки, роскошь метро и дикую оргию редиссонов-кемпинских, мечтая бежать от открывшегося ему будущего как можно дальше на Север, в леса, к спокойной глади озер, где воздух чист и свеж, как одиночество святого.

Выставка, посвященная пятисотлетию Ферапонтова монастыря и творчеству Дионисия, одного из лучших русских иконописцев, указывает путь духовного очищения, что был намечен его пленительной кистью. Она, быть может, помимо воли своих устроителей превратилась в гимн затворничеству, в панегирик русским монастырям, не тем, роскошным, толстомордым, жиреющим под крыльями власти, но далеким, ушедшим от столичной жизни вдаль, на Север, в леса, туда, где воздух и вода чисты и безгрешны. Дионисий и его иконы — протест против власти, и его причисление к так называемой московской школе не что иное, как примитивное прочтение русской истории, в плену которого до сих пор еще находится подавляющее большинство, неспособное задуматься над тем, что господство и истина две совершенно разные вещи.